

Чионов Сергей Владимирович

ПЕРФОРМАТИВНЫЕ ВЫСКАЗЫВАНИЯ В ЯПОНСКОМ ЯЗЫКЕ

В статье на основе данных корпуса современного японского языка выявляются и описываются формальные модели японских перформативных высказываний, различные, как показано, для высказываний разной иллокутивной природы. Выделены прагматические факторы употребления основных моделей, входящих в парадигму перформативов (коммуникативно-семантические группы). Для ряда маргинальных вариантов перформатива предложены критерии их отнесения к данному классу для случая японского языка. Комментарий к материалу выявляет помимо значительного сходства с русским языком также и некоторые принципиальные различия, детерминируемые как структурно, так и речевой конвенцией.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2017/1-1/53.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 1(67): в 2-х ч. Ч. 1. С. 187-194. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2017/1-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 811.521

В статье на основе данных корпуса современного японского языка выявляются и описываются формальные модели японских перформативных высказываний, различные, как показано, для высказываний разной иллокутивной природы. Выделены прагматические факторы употребления основных моделей, входящих в парадигму перформативов (коммуникативно-семантические группы). Для ряда маргинальных вариантов перформатива предложены критерии их отнесения к данному классу для случая японского языка. Комментарий к материалу выявляет помимо значительного сходства с русским языком также и некоторые принципиальные различия, детерминируемые как структурно, так и речевой конвенцией.

Ключевые слова и фразы: японский язык; речевые акты; перформатив; языковая вежливость; корпусные данные.

Чиронов Сергей Владимирович, к. филол. н., доцент
Московский государственный институт международных отношений
s.chironov@inno.mgimo.ru

ПЕРФОРМАТИВНЫЕ ВЫСКАЗЫВАНИЯ В ЯПОНСКОМ ЯЗЫКЕ

1. Создание теории речевых актов, одной из фундаментальных для современной лингвистической прагматики, как известно, исторически было связано с постулатом о центральной роли перформативных высказываний. В них говорящий (Г) называет то самое речевое действие, которое в этот момент совершает. Впоследствии эта позиция, сформулированная основателем теории Дж. Остином, была скорректирована [7], однако значение исследования употребления перформативов для описания системы иллокутивных средств языка, или, иначе говоря, проявлений интенций говорящего (Г) в речи, по-прежнему далеко не исчерпано. В частности, насколько нам известно, для случая японского языка такое исследование до сих пор не предпринималось, кроме вопросов использования перформативов в этикетных формулах [6; 15].

Из определения перформатива следует, что перформативный глагол (ПГ) должен принадлежать к семантическому классу глаголов речевого действия, или иллокутивных глаголов (ИГ). При этом перформатив представляет собой специфический для ИГ тип употребления наряду с ремарочным (также возможен для глаголов ментального действия), помимо иных неспецифических для данной группы типов предикатов: авторемарочные, констативные и т.п. Правда, перформативное употребление возможно далеко не для всех ИГ. Так, из списка японских ИГ, составленного нами на основе сплошного перевода по словарю [12] единиц в известной работе А. Вежбицкой [14], меньше половины, а именно 138 иллокутивных глаголов и выражений зафиксированы в перформативном употреблении по данным общедоступного корпуса японского языка [16]. Как показывают эти данные, в ряде случаев именно способность образовывать перформатив становится разделяющим фактором для синонимов из класса ИГ, напр.: *o-makase/*o-yudane-shimasu* = *поруचाю/*непоруचाю (это) Вам...* О корнях этого явления, в частности, конфликте с перформативностью сем, связанных с образом действия и его оценкой, пишет Ю. Д. Апресян [1].

2. Каноническая модель перформатива в языках различного строя характеризуется требованиями синхронности (запрет на использование форм прогрессива, хабитатива), направленности (действительный залог, форма первого лица). Однако существуют и другие модели употребления перформативных глаголов (ПГ), где в силу действия вежливости или иных факторов могут происходить изменение залога (пассив) или лица (безличные конструкции, название властного органа в 3-м лице), введение модальных операторов (сослагательность, волитив) [9], номинализация от названия речевого действия, опущение перформативной части или диктума. Составлены списки и закономерности распределения подобных моделей [1; 4], а их совокупность иногда рассматривается как «коммуникативно-семантические группы» (КСГ) по аналогии с «лексико-семантическими группами» [8]. Логично предположить, что парадигма перформативных моделей будет формироваться специфично для каждого языка под влиянием как структурных факторов, так и речевых конвенций, возможно, с культурным подтекстом [13]. В настоящей работе на основе полного охвата возможных моделей перформативного высказывания в японском языке предпринимается попытка проследить закономерности их распределения между различными ПГ, попутно сравнивая допустимость сходных моделей в речи на русском и японском языках.

В формальном плане репертуар японских перформативных КСГ в целом близок к русскому. Основные позиции в нём принадлежат канонической (прямой) модели и волитиву. Используются этикетные каузативные формулы типа *позвольте...* Менее употребительна модель типа *можно (сделать)*. В отсутствие безличных моделей и перформативов с пассивом, как в русском, наблюдается большее распространение номинализаций, перформативных оптативов *shiyoo* = *сделаю-ка* (омонимичных, но не равных гортативу *сделаем-ка*), также встречаются формы прошедшего времени ПГ. По набору допустимых моделей первых трёх типов (А – прямой перформатив, Б – волитив, В – конструкция с каузативом) исследованные японские ПГ разделяются на несколько семантически неоднородных групп (по классификации в [2]).

Таблица 1.

Формальные модели японских перформативов

Семантическая характеристика	Примеры	А	Б	В	всего
экспозитивы по Остину директивы-суггестивы директивы-реквестивы декларативы по Сёрлю	<i>shookai-suru</i> = представлять <i>shootai-suru</i> = приглашать <i>negau</i> = просить, молить <i>jitai-suru</i> = брать самоотвод	+	+	+	6
экспозитивы комиссивы по Сёрлю глагол. согласия-несогласия декларативы бехабитативы по Остину экспрессивы по Сёрлю (оценка) директивы-суггестивы директивы-инъюнктивы	<i>kotowaru, shiteki-suru</i> = отмечать <i>chikau</i> = клясться <i>hyoomei-suru</i> = объявлять <i>hikiukeru</i> = братья, принимать <i>mitomeru</i> = признавать, разрешать <i>yuzuru</i> = уступать <i>dooi-suru, sansei-suru</i> = согласиться <i>koogi-suru, mooshiireru</i> = протестовать <i>jinin-suru</i> = уходить в отставку* <i>kyakka-suru</i> = отклонять <i>sengen-suu</i> = провозглашать <i>kansha-suru, shai-o hyoo-suru</i> = благодарить <i>shukui-o hyoo-suru, iwau</i> = поздравлять <i>manzoku/keii/ikan-no i-o hyoosu</i> = выразить удовлетворение/уважение/сожаление <i>inoru</i> = (молиться), желать КОМУ <i>shukufuku-suru</i> = благословлять <i>suishoo-suru</i> = похвалить/отметить <i>kangei-suru</i> = приветствовать <i>uttaeru, yobikakeru</i> = призывать <i>susumeru, jogen-suru</i> = советовать <i>imashimeru</i> = предостерегать <i>teian-suru</i> = предлагать <i>yookuu-suru, yoosei-suru, yooboo-suru, motomeru</i> = требовать <i>kiboo-suru</i> = высказать пожелание <i>kitai-suru</i> = ожидать, желать ЧЕГО	+	+		39
экспозитивы бехабитативы комиссивы декларативы экзерситивы директивы-прескриптивы директивы-реквестивы директивы-суггестивы экспрессивы глагол. согласия-несогласия	<i>tsuukoku-suru, shiraseru</i> = извещать, <i>kokuhaku-suru</i> = признавать, <i>shinkoku-suru</i> = декларировать* <i>chooi/aitoo-no i/hansei-no i-o hyoo-suru</i> = выразить соболезнования/рассказание <i>chinsha-suru</i> = извиняться <i>yakusoku-suru</i> = обещать <i>sensei-suru</i> = присягать <i>keiyaku-suru</i> = обязываться <i>hoshoo-suru</i> = гарантировать <i>ikeau</i> = ручаться <i>hooki-suru, dappen-suru</i> = отказываться <i>fukoku-suru</i> = провозглашать <i>iiwatasu</i> = приговаривать <i>yurusu</i> = прощать <i>kyoka-suru</i> = разрешать <i>kinjiru, kinshi-suru, genkin-suru</i> = запрещать <i>chuuushi-suru, torikesu</i> = отменять <i>nimmei/kainin-suru</i> = назначать/увольнять <i>kengen-o ataeru</i> = уполномочивать <i>nintei-suru</i> = признавать КАКИМ/КЕМ <i>mukoo-to suru</i> = объявлять недействительным <i>menjo/kaijo-suru</i> = освободить ОТ ЧЕГО <i>juyo-suru</i> = присуждать <i>inin/itaku-suru, makaseru</i> = поручать <i>meirei-suru, mejjiru</i> = приказывать <i>shookan/shooshuu-suru</i> = созывать/вызывать <i>tanomu, irai-suru</i> = обращаться с просьбой <i>chuukoku/kankoku-suru</i> = рекомендовать <i>teigen/shingen-suru</i> = вносить предложение <i>kyuudan/hinan-suru</i> = осуждать <i>sanbi-suru</i> = восхвалять <i>shoonin/yoonin/judaku-suru</i> = принимать <i>hinin-suru</i> = отвергать <i>san`i-o hyoo-suru</i> = выразить согласие <i>igi-o tonaeru</i> = выразить несогласие <i>kotowaru, kyohi-suru</i> = отказываться	+			76

Семантическая характеристика	Примеры	А	Б	В	всего
директивы	<i>unagasu</i> = <i>потопрапливать</i>		+		15
экспозитивы	<i>shiji-suru</i> = <i>указывать</i>				
экспрессивы (оценка)	<i>tsugeru</i> = <i>возвещать</i>				
	<i>homeru</i> = <i>хвалят</i>				
глагол. согласия-несогласия	<i>chuumon/kureemu-o tsukeru</i> = <i>придираться</i>				
суггестивы	<i>kobamu, kyohi-suru</i> = <i>отказываться</i>				
	<i>toku</i> = <i>проповедовать</i>				
	<i>chuii-suru</i> = <i>делать замечание</i>				
	<i>teishoo-suru</i> = <i>воспевать</i>				
	<i>mooshikomu</i> = <i>подавать заявку</i>				
	<i>apiiru-suru</i> = <i>взывать</i>				
	<i>keikoku-suru</i> = <i>предупреждать</i>				
директив-суггестив	<i>chuumon-suru</i> = <i>предъявлять претензию</i>			+	1

Приведённые данные говорят о существовании некоторых причин, препятствующих использованию ряда моделей для определённых классов глаголов. Очевидно, речь не идёт о жёстких запретах – и поскольку речь идёт о речевой практике, и в силу определённой неизбежной ограниченности наших данных (конечно, нельзя утверждать, что отсутствующее в корпусе сочетание невозможно в принципе; впрочем, единицы, по которым такая коррекция уже была предложена для нас информантом, помечены в таблице звёздочкой).

3. Тем не менее некоторые закономерности проявляются достаточно чётко. Так, волитив оказывается нерелевантным для большинства чистых (информативных) экспозитивов, лишённых эмоциональной оценки и фактора бенефактивности для адресата (А). То, что волитив «не уживается» с выражением негативной оценочности и семой невыгодности для А, особенно заметно в разделении массива бехабитивов: *соболезнования* и *раскаяние* по-японски менее удобно *хотеть выразить*, чем *поздравления* или *благодарность* (это ограничение действует, но более мягко, и в русском речевом этикете). Так же разделяются экспрессивы: *хотеть* можно *хвалят* и *приветствовать*, но не *осуждать*. В этом, без сомнения, отражается общая установка на гармоничную коммуникацию, характерная для тех ситуаций и модальностей общения, в которых используются соответствующие ПГ.

Другим, не менее важным аспектом использования волитива следует признать хедж. Сдвиг модальности в сторону от реально осуществляемого речевого акта (РА) нужен Г, чтобы сгладить негативный эффект от его слов, ущемляющих интересы (социальное «лицо») А или недостаточно подкреплённых социальным или эпистемологическим статусом самого Г:

よく「目的のためには手段を選ばない」といふことがいわれる。私はこれにちょっと異議を唱えたい (М. Накагава «Как общаться с начальником, когда у него проблемы», 1998) [16]. / *Часто говорят: ради достижения цели средства не выбирают. Позвольте с этим не согласиться / Я с этим не соглашусь* (здесь и далее перевод автора статьи – С. Ч.).

Данный принцип действует и для экспозитивов типа *отметить*, где японский волитив фактически покрывает сферу более широких манипуляций с модальностью, допустимых в русском: *приходится признать*, *вынужден отметить*, *не могу не сказать* и т.п. Перевести их прямыми аналогами с такими же модальными показателями нельзя. Сгладить прямоту собственного действия речевой формулой с *хотел бы* – максимум, что может сделать японец, не имеющий возможности спрятаться за «фиктивную» вынужденность:

警察は身内に対してとことん甘いのは、との抜きがたい不信感があることも指摘したいのです (Ф. Хиротакэ «Мнение полиции и мнение общества», 2004) [Ibidem] / {*Приходится*⁷² *хотелось бы*} *заметьте, что недоверие к полицейским, покровительствующим «своим», очень трудно искоренить.*

В ряде случаев, напротив, для успешности высказывания достаточно выразить волю выполнить речевое действие: *同意したい / Я готов согласиться*. И в тех и в других случаях, как правило, коммуникативная транзакция не заканчивается на данном РА, и исход её не зависит от Г, поэтому сказанное то же «в лоб», без модальной «страховки» может затруднить достижение прагматических целей Г. По этой причине хеджевая тактика применяется в большей части суггестивов, ряде инъонктивов. Используются с волитивом и те из декларативов, где отсутствует ущерб «лицу» А, – *брать самоотвод*, *уходить в отставку*. Напротив, мы видим неупотребительность волитивных форм для тех речевых ситуаций, когда за Г последнее слово, – экзерситивы, большинство комиссивов (тоже «тупиковых» с точки зрения развития коммуникативного обмена), а также «голые» выражения оценочности в глаголах согласия-несогласия (когда от Г требуется лишь выразить своё отношение, и на этом коммуникативный эпизод, по сути, заканчивается).

Исключительно этим явлением, на наш взгляд, объясняется существование группы глаголов, где в формуле с волитивом приемлемым оказывается употребление не только ПГ, наносящих вред социальному «лицу» А, как *chuii-suru* = *делать замечание*, или изначально связанных с низким коммуникативным статусом Г, как *mooshikomu* = *делать заявку*, но и «маргинальных» глаголов, чей статус как ПГ сам может быть поставлен под сомнение: *toku* = *проповедовать*, *unagasu* = *потопрапливать*, *shiji-suru* = *указывать*, *tsugeru* = *возвещать*. Близкое к случаю известного «иллокутивного самоубийства» З. Вендлера [3], такое употребление ПГ, по-видимому, позволяет «протащить» в высказывание элемент иронии, языковой игры.

Указанный функционал японского волитива в ПГ можно проследить и в переводе, где он тяготеет к формуле *я хотел бы* (сам по себе «уход» в сослагательное наклонение, неизвестное японскому языку, невозможен) или

будущему времени – особенно для тех случаев, когда речь идёт о выражении мнения (экспрессивы – см. перевод предыдущего примера), а не изменении через речевое действие статуса кво в реальном мире, как в экзерситивах.

Из приведённых данных (см. Таблицу 1) возможно предположить, что препятствием для использования каузативной конструкции становится фактор полной самостоятельности Г в осуществлении речевого действия, которую нет смысла маскировать речевой формулой испрашивания для этого позволения у А. Так, *jitai-suri* = *взять самоотвод, отказаться* передаёт намерение Г поступить вопреки ожиданиям и желанием собеседника, поэтому начать фразу с *позвольте...* будет оправданным. В целом возможности сгладить неловкость перед А через формулу с каузативной конструкцией в японском более ограничены, чем в русском, см. обратный перевод предыдущего примера:

*Позвольте с этим не согласиться. / 異議を唱えたい*異議を唱えさせていたいただきたい(と思います) (волитив/*каузатив, информант).*

Важное изъятие из этой закономерности составляют конструкции, когда каузатив «вплавлен» в индикативное выражение типа *-sasete itadakimasu*. По своему эффекту такие выражения близки к русской формуле *с вашего позволения* и используются главным образом в официальном общении. Ответа, какой-либо дискуссии после высказывания они не предусматривают. В других контекстах, по сути имитирующих этот безапелляционный тон, вежливость служит уже не сглаживанию противоречий между коммуникантами, а увеличению дистанции между ними, а фраза звучит более твёрдо и сухо:

音も跡絶え、しばらくして[本日の特別座談会...は、都合により中止させて頂きます]というテロップが流れた (М. Тоёкура «Вечное шоу заводных кукол», 2004) [16] / *Звук оборвался, и через некоторое время появились титры: «По некоторым обстоятельствам сегодняшней семинар отменяется», ср.:*

...そろそろ一線でも越えようか?」...「謹んで、辞退させて頂いたくわ」 (М. Ёсимура «11-я прелюдия: пёс Хатико со спасательным кругом», 1988) [Ibidem] / «*Может, пересечём наконец эту линию?»... – «Я, пожалуй, воздержусь».*

Конструкция с потенциалисом появляется там, где речевое действие однозначно выгодно А и совпадает с его ожиданиями (как и в русском):

今回、実家のおみやげとして買いました。味も良くておつまみとしてもお勧めできます (блог «Яху!», 2008) [Ibidem] / *В эту поездку купил такого и своим. Очень вкусно! Могу порекомендовать и как закуску к пиву; то же для sandoo-dekiri = могу согласиться, yakusoku-dekiri = могу пообещать.*

Оптатив ещё чётче очерчивает эту ситуацию – Г почти снисходит до А, великодушно (или как будто в режиме торга) соглашаясь поступить «по его»:

...そう、俺は確かに動揺していた。それは認めよう。しかし、すでに気を取り直してしまった今の俺には、もはや付け入る隙など一寸たりとも残されていない (Т. Такимото «Добро пожаловать на “Эн-Эйч-Кей”!», 2005) [Ibidem] / *Да, я был взволнован, так уж и быть, я готов это признать. Но с тех пор я уже вполне овладел собой, и теперь меня ничем не проведёшь; ср.:*

...依頼者ほどあなたなのか? ...その方に直接会わせて下さい。そうでなければ、引受けるにはこちらでも覚悟せねばなりませんから...」玄二の言葉を聞きながら聞いていたその人は暫く考えて、やがて言った。「判りました。それでは撤回しましょう。御苦労さまでした。」そして、改めて美味しいコーヒーを御馳走になって、解放された (Г. Имаи «Возвращайся живым», 2003) [Ibidem] / «...Кто этот заказчик? Я должен встретиться с ним, иначе я не смогу взяться за дело!» Человек, слушавший Гэндзи, подумав, проговорил: «Я понял. Тогда, пожалуй, я беру свои слова назад. Вы можете быть свободны», – и снова напоив кофе, отпустил; то же для *uzuzuri* = *уступать, shukufuku-suri* = *благословлять*.

Это контрастирует с русской речевой практикой, где сходные формы встречаются, например, в научных текстах, когда излагающий материал (Г) конвенционально представляет свои ментальные действия как осуществляемые совместно с А (читателем). Формы этого типа сходны с выражениями управления дискурсом, но всё же должны быть признаны перформативами: *подчеркнём (что), отметим (что)* – в отличие от истинных регуляторов дискурса: *рассмотрим (вначале), укажем (далее)*. Первым в японской научной речи примерно соответствует волитив, вторым – конструкция со значением осознанного контролируемого действия (*miru koto-ni suru*).

Видимо, специфической для японского языка является возможность введения перформативной формулы в начале высказывания с так называемым слабопротивительным союзом *ga*: *断っておくが...* / *Здесь я хотел бы сделать следующую оговорку...* Такая сочинительная конструкция «легче», чем вариант с изъяснительным придаточным, и примерно соответствует изолированному перформативу в начале сложного РА в русском и некоторых других языках.

Главная функция номинализации в перформативных фразах – уточнение типа высказывания. Особенно это важно для японских директивов ввиду отмечаемого в литературе «широкого профиля» многих императивных форм: *命令だ* = (это) приказ, *お願いだ* = я прошу тебя, ср.: *最後通告だ* / *Это последнее предупреждение*. Употребляется номинализат пост-, реже препозитивно (*お願いですが* = я хочу тебя попросить...; *確認/相談です* = я хотел бы уточнить/посоветоваться...). Подчинительные отношения с основной клаузой отсутствуют, кроме формулы для запретов (бессвязочная в письменной речи, в устном варианте она приобретает связку): *自転車放置禁止* / *Оставлять велосипеды запрещено*, ср. франц. *defense de fumer* = не курить!

Из двух случаев употребления ПГ в прошедшем времени один имеет структурный аналог в русском: *了解しました* / *Принято!* Другой формуле соответствует фраза, неоднозначная с точки зрения принадлежности к ИГ: *畏まりました* / *слушаю и повинуюсь*.

Ещё одна группа перформативных КСГ представляет собой стативные выражения с отглагольным именем, где может опускаться связка: 賛成 (です)、賛同です / *согласен*. Вообще стативизация характерна для отношенческих высказываний и может выражаться во введении субстантиватора *топо*, дающего «вневременное» значение, а также «размазывании» перформативного действия по временной оси посредством введения прогрессива:

どな大寄せの初釜でも、先生みずからのお点前による一服に、感謝をし、心あらたに精進を誓いたいものです (М. Сэн, М. Сакураи «Календарь жизни», 1994) [Ibidem] / *Сколько людей ни собрала бы первая в году чайная церемония, Вы всегда наливаете чай лично. Хочется поблагодарить Вас за это и пообещать достойно провести наступивший год!*; ср. ブログで、お知り合いになれたのをとてもとても感謝してます (блог «Яху!», 2008) [Ibidem] / *Я благодарна за то, что смогла познакомиться с Вами через блог.*

В ряде случаев такого рода мы видим разведение стативного глагола отношения (он остаётся членом перформативной КСГ) и собственно (моментного) перформатива с глаголом говорения в качестве одного из компонентов – особенно для речевых формул 御礼を申し上げる*поблагодарить*, お祝い申し上げる*поздравить*, お詫び申し上げる*принести извинения*.

4. Вообще говоря, использование стативного глагола в перформативной функции не такая уж редкость и для русского языка. Но модели типа *Я отказываюсь (верить этому), Я запрещаю (тебе разговаривать со мной таким тоном)! звучат естественно, лишь когда Г сообщает о своей принципиальной позиции, а не производит речевое действие в приложении к текущему моменту, ср. ?Я отказываюсь ехать с вами завтра, ?Я запрещаю тебе брать вторую порцию. Ничего подобного нет в японских моментных ПГ 拒む、拒否する отказываться. А вот для сходного ПГ отказа/запрета, kotowaru, наряду с волитивной формулой, полностью, до ощущения моментности, синхронизируемой с речевым действием お断りしたい(と思います) = попросил бы не делать, имеется и другая, где стативное толкование усиливают письменная форма изложения запрета и его публичная адресация, которые вносят неопределённость в его темпоральный статус (см. перевод):*

当落についての電話でのお問い合わせは固くお断り致します (объявление в журнале «Уикли ПИА», 30.07.2001) [Ibidem] / {Убедительно просим / убедительная просьба} *воздержаться от запросов по телефону об итогах конкурса.*

Возможность для неоднозначной трактовки возникает также при употреблении как бы «предначертанного» перформатива, например, при нажатии на кнопку с соответствующей надписью. Ситуацию усложняет то, что морфологически для японца такая надпись совпадает с формулой императива (форма настоящего будущего времени глагола, используемая и как инфинитив), в то время как русский скорее воспринимает подобную надпись как команду:

このまま「同意する」のボタンも「拒否する」のボタンも押さなかった場合 (сайт интернет-аукционов «Яху!», 2005) [Ibidem]... / *В случае, если не будет нажата ни кнопка «Согласиться», ни кнопка «Отказаться»...*

Как критерий диагностики неперформативного характера высказываний для таких случаев можно предложить лексемы, которые поддерживают комментарийный характер фразы, например *すぐ/сразу* в предыдущем примере (*сразу отказаться* – Команда), а также коммуникативные маркеры. В частности, маркеры Претензии – омонимичные с противительными союзами частицы *ga* и *kedo* – употребляет тот, кто сам не может осуществить Запрет:

「ここ、禁煙ですけど」と言ったことがある (сайт для общения «Микси-комьюнити») [10] / {Вообще-то / между прочим} *здесь курить запрещено! – бывает, сам так говоришь; ср. 禁煙です= Курить запрещается.*

В свою очередь, в качестве «лакмусовой бумажки» перформатива как в русском, так и в японском выступают специфические интенсификаторы – 固く/強く/断じて/心から / *категорически/убедительно/решительно / от всего сердца* и т.п. Этот класс единиц ещё ожидает отдельного рассмотрения.

Проблема синхронизации высказывания с речевым действием сказывается и на перформативности экспозитивов, тяготеющих к значению управления дискурсом. Здесь наблюдается устойчивая тенденция, совпадающая с выводами Д. Апресяна [1] для случая русского языка: практически необходимым, хотя и недостаточным условием для перформативности становится пропозициональный актант, оформленный фактивным субстантиватором, в позиции прямого дополнения (или его заместитель):

「ま、ともかく、こういうことがあったということだけ、報告します。あとは、みなさん、ご自由に、ご歓談ください。」
 そういって、ぺこりとおじぎをした (М. Насу «Трое остолопов докладывают о будущем», 1992) [16] / «Ну, я просто сообщая вам, что это случилось, а уж вы сами решайте, как знаете!» – и поклонился; ср.: 当法人は...
 の諸規定に規定する「国と特に密接な関係がある」特例民法法人に該当しないので、その旨公表いたします (блог «Яху!», 2008) [Ibidem] / *Данное юридическое лицо не подпадает под понятие имеющего особо тесную связь с государством по положениям законов... о чём сообщаем Вам настоящим извещением (цитируется официальное извещение).*

Прямые дополнения неизъяснительного характера при экспозитиве как в письменной, так и в устной речи преимущественно воспринимаются как анонс предстоящих действий Г (ср. рус. *докладываю, подытоживаю*). Перформативность такого высказывания просматривается уже на более высоком уровне – в рамках сложного РА, состоящего из ряда простых:

最近びっくりしたことTOP3を発表します。1位ありえないガソリンの値上がり2位 (блог «Яху!», 2008) [Ibidem]... / *«Рассказываю о трёх вещах, что меня удивили в последнее время. Первая – невероятное подорожание бензина. Вторая...»*

То же можно сказать о прочих формулах, которыми Г размечает свою речь: *要約すると* *если подытожить*, *結論から言うと* *если начать с вывода* и др. Возможность их расширительной трактовки как перформативов должна быть чётко ограничена критериями единства РА (пусть даже и сложной внутренней структуры): скажем, едва ли правильно считать ПГ выражение *お伝えします* = *передаём...*, начинающее репортаж или даже целый выпуск новостей.

Глагольные группы с косвенным дополнением-обозначением темы высказывания (*О ЧЁМ*) лишь в некоторых случаях могут выступать как фигура речи, по своей функциональности входящая в перформативную КСГ:

防衛庁長官も、私の先ほどの防衛白書に基づく認識、中国がまさにとらんとしている、この認識についてちょっと確認させていただきたいと存じます (стенограмма заседания парламента, 2009) [Ibidem]. / *Хотелось бы уточнить* у начальника Управления обороны насчёт позиции Китая, той самой, о которой я говорил, указанной в Белой книге по обороне.

Менее всего «ввязется» с перформативом цитатная конструкция, хотя за пределами корпуса подобные примеры всё же встречаются:

毎度だが私はキリスト教信者でも勧誘者でもないと断っておきたい。どちらかという宗教には懐疑的な立場だ (рецензия на фотоколлекцию «Нулевая гравитация») [11]. / *Нужно уточнить*: я не исповедую и не проповедую христианство. Вообще к религии я отношусь скорее скептически.

Ещё более резко по критерию синхронности отграничены от ПГ глаголы ментального действия, синтаксически близкие глаголам говорения. Например, в оборотах типа *察することができる ... možно догадаться / (я) догадываюсь, お言葉から察すると... как я догадываюсь из Ваших слов* догадка на самом деле вовсе не обязательно происходит в момент высказывания, а речевое действие лишь сообщает о ментальном, но никоим образом не составляет его. Близкие к экзерситивам глаголы типа *設定する* *устанавливать* отсеиваются по признаку аутореферентности: глагол здесь называет не вербальное действие Г, а синхронно совершаемое ментальное, которое лишь «проговаривается вслух» – так же, как, скажем, по инструкции машинист токийского метро обязан для записи комментировать все производимые им действия (которые от этого, конечно же, не становятся речевыми, а называющие их глаголы – ПГ), [7]. Косвенно такой вывод подтверждается и затруднительностью комментарийного употребления глагола ментального действия о действии речевом: *決定する* = ?*принимаю/принимается решение* → *決定した* = *решил* (но мог и не сообщать об этом – речевое действие не подразумевается), ср. *任命する* *назначаю/назначается* → *任命した* *назначил* (официально сообщив об этом, иначе назначение бы не состоялось).

5. Использование материала корпуса позволяет проследить тенденции в оформлении перформативных высказываний с точки зрения вежливости, которая получает весьма разнообразное поверхностное выражение в японской речи, прежде всего в использовании учтивых, гонорифических форм. Как видно из данных, значительная часть таких закономерностей может быть приписана иллокутивным особенностям коммуникации: так, максимальная концентрация показателей вежливости (адрессив *-mas-*, депрециативный супплетив *itasu* вместо глагольного компонента *suru*) происходит в суггестивах (*teian-suru* = *предлагать*, *chuukoku-suru* = *советовать*, *shootai-suru* = *приглашать*), где Г располагает наиболее слабыми внеязыковыми рычагами влияния на А, а также в бегахитативах типа *o-wabi-suru* = *приносить извинения*, где преследуется цель максимальной гармонизации взаимодействия (для *shazai-suru* = *приносить извинения*, *iwau* = *поздравлять* и *jogen-suru* = *советовать* вообще не зафиксирован перформатив без грамматических показателей вежливости). Бросается в глаза преобладание адрессивных форм у большинства комиссивов типа *hoshoo-itashimasu* = *гарантируем Вам* (где А персонифицирован и заинтересован в положительном взаимодействии с Г), тогда как, напротив, их – минимум в требованиях, негативных экспрессивах типа *koogi-suru/shimasu* = *протестуем* (протест несовместим с самоуничижением перед А), почти полностью отсутствуют они в экзерситивах (где власть в лице Г имперсональна и, кроме того, не нуждается в смягчении эффекта говоримого).

В то же время формальные различия между содержательно сходными высказываниями свидетельствуют о том, что на вариативность оформления высказываний влияет более широкий набор показателей. В частности, это способ коммуникации: например, «голые» экзерситивы *kaijo-suru* = *распоргаю* и *inin-suru* = *поручаю* применимы для письменной, нормативной, опосредованной коммуникации, где речевое действие имеет не меньшие, а возможно и большие, последствия для третьих лиц, чем для А, и в силу этого проявлять чрезмерную вежливость к нему становится бессмысленно. Важно и то, что к документу, где будут написаны эти слова, будут не раз обращаться разные люди, для которых их перформативность окажется затушёвана, а «когда-то произведённое» речевое действие перейдёт на положение цитаты, как известно, маркируемой в японской вежливой речи именно отсутствием адрессива. По сравнению с ними обнаруженные в обеих формах *kyoka-suru/shimasu* = *разрешаю*, *kinshi-suru/shimasu* = *запрещаю* куда более адрессны, хотя и допускают множественное воспроизведение, тогда как для «разовых» *chuushi-shimasu* = *отменяется*, *kichi-shimasu* = *заявляю ответ* значение формального выражения вежливости перед А резко повышается.

Показателен в этом смысле контраст между ПГ требования *totomeru* и *yookuu-suru*: первый встречается только без вежливости, в основном в текстах петиций, то есть, видимо, допустим лишь в опосредованном общении, второй практически не ограничен в контекстах и демонстрирует более полную парадигму КСГ, включая вежливость и волитив. Из весьма близких по значению глаголов *информировать* – *tsuukoku-suru* и *tsuuchi-suru* второй вообще не зафиксирован в перформативном употреблении. Такого рода сведения

о возможности употребления в перформативных контекстах и об ограничениях на такое употребление, конечно, должны содержаться в словаре.

Разница между персональным (но при этом ещё не межличностным!) и массовым общением ([8, с. 17]) проявляется, например, для двух семантически близких ПГ, называющих формы официального общения, лишь с адрессивом встречается (証人として) **召喚します** = *Вы вызываетесь (в качестве свидетеля)* и, наоборот, только без адрессива (全ての民兵を) **召集する** = *(Все дружинники) вызываются (на пункт сбора)*.

На дальнейшую детализацию речевого обрамления перформатива, несомненно, влияют локальные конвенции общения. Так, для целых ПГ ряд формул с каузативом исчерпывается примерами из речи парламентариев:

一日も早く調査を終了されて、セーフガードを発動していただきたいということを強く要望させていただいております (стенограмма заседания парламента, 2001) [16]. / *Хотелось бы выразить такое пожелание – пусть как можно скорее будет закончено расследование и введены защитные меры.*

У ПГ-экзерситивов и экспозитивов, употребляемых в основном в официальных извещениях от государственных и других руководящих органов (*tenjo-suru* = *освобождать*, *senkoku-suru* = *провозглашать*), любопытным образом находятся только два полярных варианта – «полностью невежливый» и «очень вежливый». Так проявляются два взаимоисключающих подхода к публичной коммуникации, представленных и в российской языковой практике: один – жёстко-приказной, предписывающий, а другой – ставящий во главу угла частное лицо, перед которым властные структуры выполняют подчинённую, обслуживающую роль. Впрочем, для гражданина таких «вариантов» не предусматривается: типичные ПГ официального общения, например *shinkoku-itashimasu* = *декларирую*, встречаются лишь с максимальной вежливостью.

Явление, обратное этикетной вежливости, наблюдается, когда перформатив сопровождается коммуникативной частицей в финальной позиции. Привносимая ей экспрессия делает высказывание менее формальным. Нам встретились всего четыре подобных сочетания, что говорит об ограниченности такого употребления: *yurusu zo* = *смотри, на этот раз прощаю*, *chuii-suru ne* = *слушай, у меня к тебе замечание*, *tanoti yo* = *ну прошу тебя*, *meirei da yo* = *это приказ, слышишь?*

б. Используемый нами корпус содержит ряд случаев единичного использования ПГ в переводных или близких к тому текстах. Данные примеры представляют чрезвычайный интерес тем, как переводчик справляется с задачей переноса в японскую языковую действительность отсутствующих в ней социальных реалий – как видим, в основном связанных с определёнными социальными практиками и культом (по этой проблематике см., напр., [6]):

「神様、私の頭をからっぽにしてください。ガンということばとを消してください。主を賛美します。安らかな眠りをください」と祈ると、不安は消えて、熟睡できた (блог «Яху!», 2008) [16]. / «*Боже, опустоши мой мозг, сделай так, чтобы это слово, эта мысль – рак – исчезли для меня. Хвалю тебя, господи! Пошли мне спокойный сон!*» – помолилась так, и тревога исчезла. Я крепко уснула; ср.: 御父母様のみ名によって... 祝福いたします。アーメン。アーメン。アーメン («Счастливая семья», 2003) [Ibidem]! / *От имени твоих родителей... – благословляю тебя. Аминь, аминь, аминь!*; ср.: その碑には、「一八一二年、この地に倒れたフランス軍将兵の霊を悼む」とフランス語で記されている (X. Хирата «Ещё один эпизод», 1986) [Ibidem]. / *На стеле надпись по-французски: скорбим о душах французских солдат и офицеров, погибших здесь в 1812 году.*

В частности, то, что, даже несмотря на доступность перевода «в обход» прямой структурной аналогии, переводчик прибегает к окказиональной перформативной конструкции, говорит, на наш взгляд, о том, что перформативность является не столько языковой (т.е. закреплённой за некоторым рядом глаголов) функцией, сколько социальной, т.е. присущей некоторому набору межличностных взаимодействий:

「八時間?」「十時間、十二時間、時にはもつと。」「冗談でしょう。」「**請け合います。十時間は軽く。**」(Р. Кено «Одиль», пер. А. Миякавы, 2003) [Ibidem]. / *Восемь часов? – И десять, и двенадцать! – Ты шутишь! – Берусь! Десять часов запросто.*

При этом высказывание, не покрытое эксплицитными этикетными требованиями на языке перевода, оформляется, насколько можно судить, за счёт применения существующих стереотипных представлений о семантических эффектах отдельных конструктивных элементов перформативной конструкции, описанию которых посвящена настоящая статья. Так, мы видим, что деперсонифицированная надпись на памятнике не сопровождается «личностным» адрессивом, бегахитатив, как и многие другие, сопровождается повышенной этикетной вежливостью. Такие механизмы, которые позволяют переводчику передать нюансы взаимоотношений, должны быть отнесены к зоне уже не речи, а языка.

В целом проведенное нами описание позволило установить, что перформативное высказывание в японской речи функционирует в ряде формальных вариантов, выбор из которых регулируется рядом факторов. Среди них мы выявили как параметры «внутри» самого РА (в частности, соотношение статусов и возможностей коммуникантов, их презумпций, знаний, выгодности РА для Г или А), так и «вне» его – сюда относятся локальные конвенции речевой среды, а также перспективы речевого обмена между собеседниками (последовательность РА в речеактовой цепочке). Мы также убедились, что на выбор модели с учётом развитой в японском языке гонорифической системы влияет не только дистанция между собеседниками, но и такие параметры коммуникативной ситуации, как опосредованность общения, определённость или неопределённость адресата, а также иллокутивный характер высказывания.

Сравнение вариантов перформативных выражений в японском и русском языках указывает на значение также и структурных факторов, в первую очередь, связанных с невозможностью столь широкого спектра выражений для японского языка. Это – невыраженность категории будущего времени, сослагательного наклонения, неприемлемость в перформативе страдательного залога, выражений вынужденности, ограниченность возможности использовать каузатив; несовпадение в перформативных высказываниях прагматических потенций опатива. Напротив, использование, например, потенциалиса как перформативного выражения для РА, бенефактивного А, является сходным для исследуемой пары языков. В целом даже для формально совпадающих моделей обоснованно использование методик диагностики перформатива, включая семантические, прагматические и синтаксические критерии.

Разумеется, приведёнными некоторыми примерами вариации оформления перформатива не исчерпываются. Их адекватное описание потребует более широкого инструментария, чем возможен для корпусных данных (например, о роли интонации для перформативности см.: [5]), да и чем тот, которым располагает собственно речеактовая теория. В первую очередь, здесь могут быть использованы существующие наработки в типологии речевых жанров.

Список литературы

1. **Апресян Ю. Д.** Перформативы в грамматике и словаре // Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка. 1986. Т. 45. № 3. С. 208-223.
2. **Богданов В. В.** Классификация речевых актов // Личностные аспекты языкового общения. Калинин, 1989. С. 25-37.
3. **Вендлер З.** Иллокутивное самоубийство // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1985. Вып. XVI. С. 238-250.
4. **Кодзасов С. В.** Виды перформативности и ее показатели // Логический анализ языка: модели действия. М.: Наука, 1992. С. 141-152.
5. **Кодзасов С. В.** Перформативность и интонация // Логический анализ языка: проблемы интенциональных и прагматических контекстов. М.: Наука, 1989. С. 216-227.
6. **Кострова М. А.** О выражениях вежливости в переводах на японский язык // Японский язык в вузе: материалы научно-методической конференции (октябрь 2013 г.). М.: ИД «Ключ-С», 2014. Вып. 10. С. 88-98.
7. **Остин Дж.** Перформативы – констативы // Философия языка. Изд-е 2-е. М.: Едиториал УРСС, 2010. С. 23-34.
8. **Формановская Н. И.** Русское общение: коммуникативно-прагматический подход. М.: Рус. яз., 2002. 216 с.
9. **Fraser V.** Hedged Performatives // Syntax and Semantics / P. Cole, J. Morgan (eds.) N. Y.: Academic Press, 1975. Vol. 3. Speech Acts. P. 187-210.
10. http://mixi.jp/view_community.pl?id=3410826 (дата обращения: 07.02.2015).
11. <http://sho-tem.com/archives/690> (дата обращения: 10.02.2015).
12. **Kenkyusha.** The New English-Japanese Dictionary. Tokyo, 1960. 2204 p.
13. **Wierzbicka A.** Cross-Cultural Pragmatics. The Semantics of Human Interaction. Berlin – N. Y.: Mouton de Gruyter, 2003. 502 p.
14. **Wierzbicka A.** English Speech Act Verbs: a Semantic Dictionary. Sydney: Academic Press Australia, 1987. 397 p.
15. **加藤重広** 日本語語用論のしくみ (Като С. Прагматическая структура японского языка. Токио: Кэнкюся, 2004. 212 с.)
16. **現代日本語書き言葉均衡コーパス** (Средневзвешенный корпус современного японского языка) [Электронный ресурс]. URL: http://www.kotonoha.gr.jp/shonagon/search_result (дата обращения: 24.10.2014).

PERFORMATIVE UTTERANCES IN JAPANESE

Chironov Sergei Vladimirovich, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Moscow State Institute of International Relations
s.chironov@inno.mgimo.ru

Basing on the corpus data of the contemporary Japanese, the formal models of the Japanese performative utterances, various, as shown, for the utterances of different illocutionary nature are identified and described. The paper singles out pragmatic factors of the basic models use within the paradigm of performatives (communicative-semantic groups). For a number of marginal options of performative the author proposes the criteria for their inclusion in this class in the case of the Japanese language. The commentary on the material identifies in addition to the significant similarities with the Russian language some fundamental differences, determined by both structural and verbal convention.

Key words and phrases: Japanese; speech acts; performative; linguistic politeness; corpus data.